

Международное частное право

ИСК ИРИНЫ ЩУКИНОЙ
(о решении французского суда)

М.М. Богуславский*

“Иск Ирины Щукиной к Владимиру Ленину” – под таким заголовком один из наших наиболее ярких журналистов-международников Юрий Коваленко, корреспондент газеты “Известия” в Париже, опубликовал в ней весной 1993 года серию репортажей о ходе рассмотрения в Суде большой инстанции в Париже дела по иску Ирины Щукиной. Ответчиками выступали три музея – Государственный музей изобразительных искусств (ГМИИ) имени А.С. Пушкина в Москве, Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге и Центр имени Ж. Помпиду в Париже, а затем и Российская Федерация в отношении картин, вывезенных из России в Париж на выставку в Центр Помпиду. Заголовок, на мой взгляд, удачный, поскольку речь шла о картинах французского художника Анри Матисса, входивших в коллекцию известного российского собирателя и мецената Сергея Ивановича Щукина, национализированную декретом от 28 октября 1918 г., подписанным действительно Владимиром Ильичем Лениным.

Поскольку мне довелось со стороны ответчиков участвовать в подготовке дела к слушанию, а затем и в самом рассмотрении дела в суде, хотелось бы рассказать юристам-международникам о юридических проблемах (да и не только юридических), возникших в связи с “иском Ирины Щукиной к Владимиру Ленину”.

Этот рассказ следует начать с того, чтобы напомнить читателю о той роли, которую сыграл С.И. Щукин в художественной жизни России, и его подлинных намерениях в отношении собранной им замечательной коллекции французских импрессионистов.

* Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

С.И. Щукин и судьба его собрания

Сергей Иванович Щукин (1852–1936) был одним из пяти сыновей текстильного фабриканта Щукина, происходившего из купеческого рода, приехавшего в Москву во второй половине XVIII века из Боровска. С.И. Щукин вошел в историю не только как продолжатель дела отца, но прежде всего как собиратель картин малоизвестных и не признанных в то время французских импрессионистов. Во время своих поездок во Францию он посещал художников, отбирал понравившиеся ему полотна, покупал их и тем самым поддерживал авторов.

Одной из первых купленных им в 1897 году картин была "Сирень" Моне. Со многими из художников он подружился, особенно с А. Матиссом и П. Пикассо. А. Матиссу заказывал картины для своего дома в Москве. В 1911 году А. Матисс по приглашению С.И. Щукина приезжал в Москву и лично развешивал картины в его доме – "дворце Трубецких" (Б. Знаменский пер., д. 8)¹. В собрании С.И. Щукина наряду с картинами Моне, Сезанна, Гогена, Руссо было 37 картин и рисунков А. Матисса и 51 произведение Пикассо. Собранную им коллекцию он сделал общедоступной, водил экскурсии по галерее.

Коллекция была национализирована декретом от 29 октября 1918 г., копия которого была представлена во французский суд. Текст декрета заслуживает того, чтобы воспроизвести его полностью:

«Декрет Совета Народных Комиссаров

"О национализации Художественной галереи Щукина"

Принимая во внимание, что Художественная галерея Щукина представляет собой исключительное собрание великих европейских мастеров, по преимуществу французских, конца XIX и начала XX века и по своей высокой художественной ценности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Художественную галерею Сергея Ивановича Щукина объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать ее в ведение Народного комиссариата просвещения на общих основаниях с прочими государственными музеями.

2) Здание, в котором находится Галерея (д. 8 по Б. Знаменскому пер.), с прилегающим участком земли, составляющим бывшее владение С.И. Щукина, и со всем инвентарем передается в ведение и распоряжение Народного комиссариата просвещения.

3) Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении бывшей Щукин-

ской галереей и ее деятельности в соответствии с современными потребностями и заданиями демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Социалистической Федеративной Советской Республики >>².

Постановление о национализации художественных собраний И.А. Морозова, И.С. Остроухова и В.А. Морозова было принято 19 декабря 1918 г.³

В результате приведенного выше акта о национализации возникло право собственности государства на это имущество. Советская правовая доктрина всегда рассматривала акт о национализации как акт государственной власти и как социально-экономическую меру общего характера, а не как меру наказания отдельных лиц. Национализация осуществлялась в 1918 году без выплаты компенсации. В советской доктрине отмечалось, что каждое государство, проводящее национализацию, определяет, должна ли выплачиваться компенсация за национализированную собственность. Что же касается моральных прав коллекционера, то в самом декрете, а также в многочисленных изданиях подчеркивалось значение деятельности С.И. Щукина, а сама галерея именовалась Щукинской.

При оценке юридического характера акта о национализации художественного собрания С.И. Щукина следует обратить внимание на то, что сам собиратель неоднократно выражал свою волю сделать свое собрание общедоступным и музейным достоянием. Еще в 1907 году он составил завещание в пользу Третьяковской галереи.

В 1917 году С.И. Щукин выступил с предложением перенести свою коллекцию вместе с четырьмя другими московскими частными коллекциями в Кремль в Большой Кремлевский дворец, превратив его в музей. Из имеющихся документов следует, что еще 10 марта 1918 г. (т.е. до принятия акта о национализации) С.И. Щукин передал коллекцию на хранение М.П. Келлеру. 4 октября 1918 г. комиссия, назначенная государственным органом (Коллегией по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения), приняла от назначенного С.И. Щукиным хранителя коллекцию и вновь сдала ее ему на ответственное хранение.

Согласно документу от 4 октября 1918 г. "все переименованные в настоящем каталоге художественные произведения за № 1–256 оказались в наличии, приняты от хранителя ~~Михаила~~ Павловича Келлера и вновь сданы ему на ответственное хранение вместе со следующими произведениями, в каталоге не отмеченными: шестью китайскими картинами, одной акварелью Борисова-Мусатова, шестью деревянными, одной бронзовой африканскими статуэтками, одной бронзовой статуэткой Майоля, двумя портретами С.И. Щукина работы Крона и одной копией с Матисса".

Благодаря этому декрету собрание сохранилось, оно не было уничтожено, не разошлось по рукам, сохранилось как целое, его не постигла судьба многих художественных собраний, предметы которых рассеяны по всему свету и не стали во многих случаях достоянием музеев, попав в сейфы в домах миллионеров в Калифорнии или в Японии.

Музей, в котором находилось бывшее собрание С.И. Щукина, просуществовал до 1928 года, затем был объединен с коллекцией другого замечательного русского мецената – И.А. Морозова – и как Музей нового западного искусства просуществовал до начала Великой Отечественной войны.

После войны в 1948 году музей был вообще закрыт, но его коллекции не пропали; одна часть была передана в Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве, а другая – в Государственный Эрмитаж в Ленинграде.

За исключением периода войны и некоторых послевоенных лет картины из собраний С.И. Щукина, а также И.А. Морозова были общедоступны, на них воспитывались поколения отечественных художников и искусствоведов. Поэтому вызывает удивление повторение утверждения западной прессы в газете "Известия" (№ 124 от 6 июля 1993 г.), что после национализации в 1918 году коллекции С.И. Щукина и И.А. Морозова "осели в запасниках российских музеев". Это не соответствует действительности.

Какие же намерения имел С.И. Щукин в отношении своего собрания после того, как ему пришлось эмигрировать за границу? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем свидетельство очевидца – современника С.И. Щукина и его друга, бывшего товарища московского городского головы П.А. Бурышкина. В своей книге "Москва купеческая" (первоначальное издание – Нью-Йорк, 1954) он говорит о том, что в начале 30-х годов в западных странах начались судебные процессы по искам бывших владельцев произведений искусства, подвергшихся национализации, а затем вывезенных советскими организациями за границу для продажи (к чему мы еще вернемся в дальнейшем изложении). П.А. Бурышкин спросил тогда Сергея Ивановича, верно ли то, что он "собирается судебным порядком выволить свои коллекции". Волнуясь, С.И. Щукин сказал: "... я собирал не только и не столько для себя, а для своей страны и своего народа. Что бы на нашей земле ни было, мои коллекции должны оставаться там"⁴.

Исковые требования

После открытия выставки Анри Матисса в Париже копии искового заявления от 23 февраля 1993 г., подписанного от имени И. Щукиной известным французским адвокатом Жуано, были вруче-

ны в аэропорту перед отлетом в Россию директору музея имени А.С. Пушкина И.А. Антоновой и директору Эрмитажа М.Б. Пиотровскому. В исковом заявлении выдвигалось требование наложения предварительного ареста на картины Матисса и на каталоги выставки. Требование обосновывалось тем, что право собственности российского государства на картины не может быть признано во Франции вследствие того, что декрет о национализации, предусматривающий безвозмездное изъятие картин у собственника, противоречит публичному порядку Франции и потому не может быть признан во Франции. Из этого, как отмечалось в исковом заявлении, следует, что собственником картин является дочь С.И. Щукина Ирина Щукина как его единственная (из оставшихся к этому времени в живых) наследница. Требование об аресте каталогов обосновывалось тем, что в них были помещены репродукции картин А. Матисса без согласия собственника картин – И. Щукиной. Первоначальный иск был предъявлен к Центру Помпиду, в котором проводилась выставка, и двум российским музеям.

Позднее иск был предъявлен к государству – Российской Федерации – и исковое заявление было направлено Посольству РФ во Франции. В этом иске ставился вопрос о валидации картин, то есть о возврате их от несобственника к собственнику – Ирине Щукиной, наследнице С.И. Щукина.

5 мая 1993 г. адвокат Жуано предъявил иск от имени некоего Ивана Коновалова. В этом исковом заявлении указывалось, что он является внуком Ивана Морозова, картины А. Матисса из собрания которого также были выставлены в Центре Помпиду. По своему содержанию исковое заявление от имени И. Коновалова полностью повторяло исковое заявление от имени И. Щукиной. Забегая вперед, скажем, что французский суд рассматривал все эти иски одновременно, в одном производстве.

Поскольку иск был предъявлен к российскому государству, Посольство РФ во Франции направило ноту в Министерство иностранных дел Франции. В этой ноте посольство ссылалось на международно-правовой принцип иммунитета государства, в силу которого иностранное государство не может быть привлечено к суду другого государства без его на то согласия. При этом подчеркивалось, что участие посольства в рассмотрении дела и назначение им французского адвоката не могут рассматриваться в качестве согласия Российской Федерации на подчинение спора юрисдикции французского суда.

Следует отметить, что Посольство РФ во Франции с самого начала заняло в деле о картинах Матисса активную позицию. Непосредственно всю подготовку к рассмотрению дела в суде осуществлял опытный

дипломат, юрист-международник К.Г. Геворгян. Большое внимание уделял этому необычному делу и посол РФ А.Н. Рыжков.

Новый подход нашей дипломатии к участию в делах подобного рода проявился в том, что посольство, занимая принципиальную позицию по вопросу об иммунитете государства, участвовало в разработке юридической позиции российских музеев, способствовало тому, чтобы директора наших музеев явились на заседание суда. Естественно, что в заседании суда участвовал и представитель посольства – советник К.Г. Геворгян. Во всем этом проявились цивилизованный подход, уважение к суду страны пребывания – этому органу любого правового государства. Такое отношение к суду не осталось незамеченным.

Позиции Центра Помпиду и российских ответчиков по делу полностью совпали и в ходе подготовки дела к слушанию, и во время заседания: адвокаты ответчиков – г-жа Мари Делион-Блох, представлявшая Центр Помпиду, и метр Даниэль Гийо, представлявший российских ответчиков, действовали согласованно.

Рассмотрение дела в суде

Рассмотрение дела в суде было назначено на 16 часов 12 мая 1993 г. Утром этого дня стало известно, что адвокат Жуано заявит ходатайство об отзыве иска. Чем объяснить такой необычный ход со стороны французского адвоката – представителя истцов? Можно предположить, что здесь сыграли свою роль два обстоятельства. Во-первых, очевидно, он не был уверен в том, что иск будет удовлетворен судом. Во-вторых, со стороны адвоката Жуано делались попытки вести предварительные переговоры, с тем чтобы получить от российской стороны какую-то компенсацию за национализацию собраний С.И. Щукина и И.А. Морозова взамен на отзыв из суда исковых заявлений. Иллюзии адвоката строились на песке, поскольку российская сторона с самого начала этого дела занимала принципиальную позицию непризнания права собственности наследников на собрания С.И. Щукина и И.А. Морозова. Согласиться же на компенсацию в любом размере означало бы признание права собственности наследников, на что российская сторона пойти не могла.

Получив такую информацию о ходатайстве истца, мы изучили возможные варианты отзыва иска, предусмотренные французским процессуальным законодательством.

Согласно первому из них, истец временно отзывает исковое заявление, сохраняя возможность в любой момент поставить вопрос о возобновлении рассмотрения дела. Это означает фактически вре-

менное отложение дела. Согласно второму варианту, истец отзывает исковое заявление вообще.

Оба адвоката ответчика пришли к выводу, что в случае, если истец использует первый вариант, наша сторона заявит о своем несогласии и потребует от суда рассмотрения иска по существу. В случае же второго варианта было решено ходатайствовать об объявлении перерыва для того, чтобы мы могли обсудить возникшую ситуацию и исключить возможность выдвижения каких-либо предварительных условий для отложения дела.

Перед началом заседания во Дворце правосудия, известного нашему читателю как место пребывания легендарного комиссара Мегрэ, собралась многочисленная публика: в зале присутствовал внук С.И. Щукина Андре Марк Делок-Фурко, наследники художника Анри Матисса, представители музеев, причем не только французских. Особый интерес был проявлен со стороны организаторов предстоящей в Эссене в конце июня 1993 года выставки из собраний С.И. Щукина и И.А. Морозова, судьба которой в определенной степени зависела от решения французского суда. Дело рассматривалось так называемым Судом большой инстанции, обычно рассматривающим дела, в которых подлежали применению международно-правовые нормы, затрагивались интересы иностранных юридических и физических лиц. Председателем состава была г-жа Рамофф — авторитетный французский судья. Участвовал в заседании и представитель прокуратуры Франции (случай в судебной практике Франции по гражданским делам достаточно редкий).

В начале заседания адвокат Жуано заявил свое ходатайство. Как и следовало ожидать, он выбрал первый из возможных вариантов. Адвокаты ответчиков тут же высказались против, и суд ходатайство отклонил. Слушание дела началось.

Первым выступил Жуано. Его речь представляла собой, на наш взгляд, образец судебного красноречия. Он заявил о несправедливости и противоправности ленинского декрета, квалифицировав его как ограбление частных собственников, которое не может быть признано во Франции; говорил о том, что акты безвозмездной национализации противоречат Декларации прав человека, принятой ООН. Основное место в речи адвоката Жуано заняли морально-этические вопросы. Адвокат говорил о тяжелой судьбе русской эмиграции, о забвении имени Щукина в России. Несомненно, что яркая речь адвоката произвела большое впечатление на присутствующих.

В речах адвокатов со стороны ответчиков больше внимания, чем в речи г-на Жуано, было уделено доводам юридического характера. В речи Д. Гийо вместе с тем были обстоятельно изложены факты, свидетельствующие о том, что сам С.И. Щукин всегда исходил из

того, что его собрание должно быть общедоступным и не должно находиться в частных руках, что он не хотел ставить вопроса о возврате ему коллекции. В речах адвокатов подробно говорилось о том, что как российские музеи, так и Центр Помпиду находятся в государственной собственности, осуществляют публично-правовые функции, говорилось о роли выставок в аспекте международного культурного сотрудничества. Обосновывалась позиция признания иммунитета государства и его собственности.

После выступления Даниэля Гийо и г-жи Мари Делион-Блох адвокат Жуано воспользовался правом на реплику. На наш взгляд, это второе выступление было неудачным и в какой-то степени снизило впечатление от первой его речи. Он не остановился на доводах юридического характера, выдвинутых представителями ответчиков, а говорил главным образом о том, что на выставке произведений Анри Матисса в Центре Помпиду не была показана роль С.И. Щукина как собирателя коллекции картин Матисса. Затем выступил прокурор, поддержавший доводы ответчиков, касающиеся судебного иммунитета. После окончания прений в соответствии с принятой процедурой адвокаты передали составу суда досье документов, подтверждающих их позиции⁵.

Заседание суда завершилось сообщением о том, что решение по делу будет объявлено 16 июня 1993 г. И действительно, 16 июня, то есть почти через месяц, адвокатам сторон было передано решение, в котором Суд большой инстанции полностью отказал И. Щукиной и И. Коновалову в их исковых требованиях. Каковы же были мотивы этого решения? Почему суд признал доводы ответчиков убедительными? На этом следует остановиться более подробно.

Государственная собственность

Исходным для нашей позиции было то, что право собственности государства на собрания С.И. Щукина и И.А. Морозова возникло в силу декрета о национализации 1918 года. С точки зрения норм международного частного права, в том числе действующих во Франции, возникновение, а также изменение права собственности определяются *lex rei sitae* (законом места нахождения имущества). В результате принятия акта о национализации коллекционеры утратили свое право собственности, и, соответственно, по нашему праву оно не могло быть передано по наследству.

Отметим также, что ни в последнем завещании С.И. Щукина, составленном в Париже, ни в каких-либо иных документах непосредственно собрание картин не упоминалось, поскольку говорилось обо

всем имуществе самым общим образом. И во Франции в отношении картин, находящихся в то время в Советском Союзе, не были выполнены предусмотренные французским законодательством процедуры принятия наследниками (Екатериной и Ириной Щукиными) наследственного имущества. Истцами не было представлено, в частности, каких-либо документов об уплате наследственных пошлин. В РСФСР, а затем в Советском Союзе картины из собраний С.И. Щукина и И.А. Морозова вошли в состав музейного фонда.

Правовое положение картин, входящих в коллекцию после принятия акта о национализации, определялось законодательством о государственной собственности, законодательством о музейном фонде, а также нормативными актами о государственных музеях.

Действующее в настоящее время в Российской Федерации законодательство предусматривает, что в государственной собственности Российской Федерации находятся в том числе "культурные и исторические ценности общегосударственного значения" (ст. 21 Закона о собственности в РСФСР от 24 декабря 1990 г.). Согласно законодательству, государственная собственность в РФ может выступать в виде федеральной собственности и собственности республик, входящих в Российскую Федерацию, автономных областей, автономных округов, краев и областей (ст. 20 Закона о собственности).

Согласно Основам законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г., культурные ценности, находящиеся в фондах государственных музеев, не подлежат приватизации.

Напомним, что картины из коллекции С.И. Щукина находятся в двух государственных музеях — Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина и Государственном Эрмитаже. На оба музея распространяется действие Указа Президента Российской Федерации № 294 от 18 декабря 1991 г. "Об особо ценных объектах национального наследия России" и Указа Президента Российской Федерации "Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации" № 1487 от 30 ноября 1992 г. Последним из этих указов было утверждено Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации. Оба музея, согласно указу от 18 декабря 1991 г., включены в перечень особо ценных объектов.

Согласно Положению, особо ценные объекты "являются исключительно федеральной собственностью". Изменение формы собственности указанных объектов не допускается (п. 6 Положения). Собрания, коллекции и фонды особо ценных объектов не подлежат отчуждению. Финансирование особо ценных объектов осуществляется за счет ассигнований из республиканского бюджета Российской Федерации, а также за счет ассигнований из соответствующих бюджетов республик, Москвы и Санкт-Петербурга.

Назначение директоров музеев осуществляется государственными органами.

В качестве примера регулирования приведем отдельные положения постановления Правительства Российской Федерации № 480 от 9 июля 1992 г. "О Государственном Эрмитаже". В пункте 1 предусматривается, что здание Государственного Эрмитажа и его музейный фонд являются федеральной собственностью и не подлежат приватизации и отчуждению". Этим же постановлением Михаил Борисович Пиотровский назначен директором Государственного Эрмитажа.

В Положении "О Музее изобразительных искусств" отражен статус музея и его коллекций как объекта государственной собственности (музей находится в подчинении Министерства культуры, состоит на государственном бюджете, директор назначается и освобождается от должности Министерством культуры как органом государства). Одной из его задач является "обеспечение сохранности музейных ценностей, являющихся государственным достоянием".

Последствием вхождения коллекций музеев в фонд государственной собственности является то, что для временной выдачи экспонатов, в частности с целью показа на выставке, требуется получение специального разрешения, выдаваемого Министерством культуры РФ.

В решении суда от 16 июня 1993 г. по вопросу о собственности содержится констатация того обстоятельства, что картины, составляющие предмет спора и в отношении которых предъявлено требование об аресте, были объектом декрета о национализации 1918 года. При изложении позиции ответчиков было обращено внимание на то, что оба российских музея являются учреждениями публично-правового характера, выполняют публично-правовую функцию, осуществляя хранение картин, входящих в "федеральную государственную собственность".

Признание во Франции акта о национализации

Особенностью национализации, проведенной в 1918–1922 годах в Советской России, было то, что она не предусматривала какой-либо компенсации бывшим собственникам. Это обстоятельство послужило основанием для судов ряда стран Запада, в том числе и Франции, отрицать экстерриториальный характер такой национализации со ссылкой на то, что она носит конфискационный характер.

Практика французских судов по этому вопросу не оставалась неизменной. В известном решении по делу РОПИТ суд рассуждал следующим образом: коллизийная норма французского права (ст. 6 Code Civile) отсылает по вопросам возникновения собственности к

советскому праву, однако последнее не может быть применено в силу его противоречия публичному порядку Франции, поскольку право частной собственности составляет священную и неприкосновенную основу французского права. В данном же случае акт о национализации это право отрицает полностью.

Затем эта позиция стала меняться в отношении признания во Франции актов о национализации, касающихся имущества, находящегося на территории государства, проводившего такую национализацию. В ряде решений национализация была признана на том основании, что она осуществлялась не в отношении иностранных граждан, а в отношении граждан государства, где национализация была реализована. Показательны в этом отношении решения, вынесенные французскими судами в послевоенный период в отношении национализации, проведенной в Алжире.

Особого внимания заслуживает с точки зрения настоящего изложения судебное решение 1954 года по делу о картинах Пикассо. Это дело было аналогично делу о картинах Матисса. Картины Пикассо из той же коллекции С.И. Щукина были ввезены во Францию для выставки, организованной Домом человеческой цивилизации. Иск об аресте картин был предъявлен старшей дочерью С.И. Щукина — Екатериной Щукиной. В решении было отмечено, что французский публичный порядок в данном деле не был задет в такой мере, чтобы требовалось принятие срочных мер, что эти картины были приобретены уже много лет назад иностранным сувереном от его собственных граждан, на его собственной территории и в соответствии с законами страны. Решение подверглось критике в специальной юридической литературе⁶. Однако оно получило подтверждение в дальнейшей практике.

В этой связи следует обратить внимание и на рассмотрение аналогичных дел в судах стран Запада. Выше уже упоминалось о делах, возникших в связи с такой позорной страницей истории нашей культуры, как вывоз для продажи за границу музейных экспонатов Эрмитажа и других музеев. Иски были предъявлены бывшими собственниками национализированных в России картин и других предметов искусства к лицам, которые приобрели их на аукционах, где они продавались по поручению Советского государства (торгпредства СССР в Берлине). В Германии в 1928–1929 годах были вынесены три решения⁷, в них была отвергнута ссылка на германский публичный порядок.

Аналогичные решения были вынесены в Англии (по иску княгини О. Палей)⁸ и в США (по иску Строганова-Щербатова)⁹.

Можно констатировать, что к середине XX века сложилась устойчивая практика признания актов о национализации в отношении

имущества, находящегося в момент национализации в государстве, осуществившем такую национализацию. Несмотря на то что национализация в Советской России проводилась без какой-либо компенсации, суды исходили из того, что она не затрагивает публичного порядка страны суда, поскольку проводилась за рубежом и не касалась граждан страны суда¹⁰. Безвозмездная национализация проводилась также в 1940 году в прибалтийских государствах – Латвии, Литве и Эстонии.

Позиция ответчиков по делу по вопросу о действии во Франции декретов о национализации аргументировалась следующими соображениями:

1. В момент национализации имущество находилось не во Франции, а в России.

2. Речь шла о переходе к государству картин, находящихся ранее в собственности не у граждан Франции, а у граждан страны, осуществившей национализацию.

3. Национализация была действительной по действовавшему тогда внутреннему праву России.

По нашему мнению, конкретный результат проведения национализации в России (проведение выставки картин во Франции с целью ознакомления широкой публики с культурными ценностями) не противоречит публичному порядку. Публичному порядку Франции может противоречить сам декрет о национализации, но не его последствия. Поэтому вывод суда в решении от 12 июля 1954 г. по аналогичному делу о картинах Пикассо (а именно о том, что выставка картин во Франции, давно приобретенных иностранным государством у одного из своих граждан на своей территории в соответствии с действовавшим тогда законодательством, несмотря на отсутствие компенсации, не может рассматриваться в качестве серьезного нарушения публичного порядка Франции) представляется обоснованным и в 1993 году.

Известно, что в последние годы существования СССР наша позиция по вопросу о безвозмездном характере национализации изменилась, что связано и с изменением отношения к институту частной собственности, и с началом политики привлечения в страну иностранных инвестиций. Если раньше сложившийся в международно-правовой практике принцип "быстрой, эффективной и адекватной компенсации" в случае национализации собственности отвергался, то теперь он признан в отношении возможной национализации иностранной собственности в договорном порядке. Так, в отношениях с той же Францией в 1989 году был заключен Договор о взаимном поощрении и защите капиталовложений, статья 4 которого прямо предусматривала, что в случае национализации собственности иностранных

инвесторов будет осуществляться компенсация, то есть, иными словами, было признано, что национализация не может осуществляться безвозмездно. Однако этот договор, во-первых, распространяется только на иностранные инвестиции и, во-вторых, не имеет обратной силы. При решении вопроса о действии закона во времени к национализации, осуществленной в 1918 году, может применяться только действующее законодательство того периода, а не положения, принятые по данному вопросу в дальнейшем, если, конечно, государство в установленном законодательством порядке не отменит действие декрета 1918 года, о котором идет речь.

Представляется также сомнительной сама возможность применения в рассматриваемом случае положений, закрепленных в Декларации прав человека, принятой ООН, и Международных пактах о правах человека, на что ссылался истец в своем исковом заявлении и о чем говорил в своей речи на суде г-н Жуано. В этих международных документах действительно говорится о праве частной собственности любого человека независимо от гражданства. Но в 1918 году, когда принимался декрет, западная международно-правовая доктрина занимала позицию, согласно которой в другой стране национализация иностранной собственности, собственности иностранных граждан недопустима, поскольку безвозмездное изъятие такой собственности противоречит принципу "приобретенных прав"¹¹. Признание же права собственности любого гражданина, в том числе и своего собственного, в каждом государстве приобрело характер международно-правового принципа лишь с принятием указанных документов.

Нам неизвестно, какими соображениями руководствовался суд в этом вопросе, но ссылка истца на нарушение Декларации прав человека ООН была оставлена судом без внимания. В своем решении от 16 июня 1993 г. суд прямо признал экстерриториальное действие декрета от 1918 года во Франции, несмотря на его "грабительский характер" (если переводить буквально). Иными словами, безвозмездность проведения национализации не была признана во Франции основанием для непризнания действия акта. Ссылка истца на непризнание действия декрета о национализации в силу его противоречия публичному порядку Франции судом была отвергнута.

Принципиально важным является то, что французский суд признал, что он не может входить в рассмотрение вопроса о характере акта, принятого иностранным суверенным государством. Признание такого рода связано с признанием принципа судебного иммунитета государства и его собственности.

Судебный иммунитет государства и его собственности

При рассмотрении дела по искам И. Щукиной и И. Конова-лова центральное место занял (особенно после предъявления исков

непосредственно к российскому государству) вопрос о судебном иммунитете государства и его собственности. В силу этого принципа государство не может без его согласия быть привлечено к суду другого государства. Точно так же не могут применяться принудительные меры в отношении собственности государства¹². Во второй половине XX века во многих государствах Запада господствующая тогда доктрина, а вслед за ней законодательная и судебная практика исходят из теории ограниченного или функционального иммунитета. В США, Англии, Канаде, Сингапуре, Пакистане, ЮАР, Австралии были приняты законы об иммунитете государства, не предусматривающие предоставление иммунитета в случае осуществления государством действий коммерческого характера. Заключенная в 1972 году рядом европейских государств Европейская конвенция об иммунитете установила ряд исключений из действия этого международно-правового принципа.

Во Франции закон об иммунитете не был принят, это государство не ратифицировало и конвенцию 1972 года. Из этого следует, что решающее слово остается за судебной практикой. Какой же была в последние годы практика французских судов?

Принимаемые судебные решения, как и в ряде других стран Запада, базировались на концепции функционального или ограниченного иммунитета¹³.

Особый интерес представляет в этой связи вопрос о том, на основе какого критерия следует определять характер действий государства. Во французской судебной практике применялись оба критерия: природы действия и цели действия. Так, в решении 1961 года по иску Гугенхейм против Вьетнама суд исходил из того, что спорная торговая сделка была заключена в целях развития национальной обороны Вьетнама.

В других случаях французские суды решали вопрос, действует ли иностранное государство в формах, характерных для частного права, которые может использовать любое лицо. Так, в решении по спору между Администрацией железных дорог Ирана и фирмой "Левант экспресс транспорт" суд признал, что, хотя администрация должна рассматриваться в качестве государства, ее сделки должны быть отнесены к категории коммерческих сделок¹⁴.

В деле И. Шукиной с точки зрения применения обоих этих критериев иммунитет должен быть признан, поскольку провести выставку за рубежом таких художественных ценностей может только государство или государственные музеи. Проведение выставки в Париже, на что совершенно справедливо обращалось внимание в ноте Посольства РФ, осуществлялось в рамках межгосударственного культурного сотрудничества и не преследовало никаких коммерческих целей.

Во французской практике иммунитет исполнения отличается от судебного иммунитета. Такое различие определяется, в частности, тем, что принудительные меры в еще большей степени, чем привлечение к суду, нарушают принцип суверенитета. Однако принудительные меры были применены французским судом в известных делах Эуроидиф (1984 г.) и Сонатраш (1985 г.) – в тех случаях, когда произведенные действия не были признаны действиями публичной власти.

В рассматриваемом же деле государственная собственность находится во владении (по российскому праву – в оперативном управлении) государственных юридических лиц. Иммунитет этой собственности от принудительных мер по предварительному обеспечению иска должен быть признан в данном случае даже с учетом концепции ограниченного иммунитета.

Наше государство имело все основания считать, что у него есть юрисдикционный иммунитет. Это подтверждается тем, что:

- 1) российское государство не имело намерения использовать государственное имущество в коммерческих целях;
- 2) действия государства носили характер действий публичной власти или служили публичным целям.

Из приведенных соображений следует, что ответчики, ссылаясь на иммунитет государства, должны были исходить из того, что организация выставок за рубежом рассматривается в качестве публично-правовой функции государства и представить доказательства того, что проведение данной конкретной выставки Анри Матисса в Париже не преследовало каких-либо коммерческих целей, что ее проведение не было направлено на извлечение каких-то доходов российским государством, что и было сделано. Они обратили внимание суда на Межправительственное соглашение между Россией и Францией о культурном сотрудничестве, в соответствии с которым была создана смешанная комиссия, включившая в план мероприятий проведение выставки картин А. Матисса в Париже. Было представлено соглашение, заключенное Центром Помпиду с ГМИИ имени А.С. Пушкина и Государственным Эрмитажем, в котором определялись условия проведения выставки. Каких-либо выплат за предоставление картин на выставку соглашение не предусматривало. Таким образом, выставка произведений А. Матисса в Париже коммерческого характера не носила.

С точки зрения признания иммунитета государственной собственности суд исходил из того, что собственником картин Матисса является государство, которое передало эти картины в два государственных музея, осуществляющие владение картинами. Исходя из этого, решением суда от 16 июня 1993 г. в удовлетворении исков Щукиной и Коновалова было отказано со ссылкой на принцип судебного иммунитета государства и его собственности.

От имени Российской Федерации в суде было заявлено, что акт о национализации представлял собой осуществление публичной власти государства и касался коллекции картин, принадлежащей его гражданам и находящимся на его территории. Кроме того, было обращено внимание суда на то, что иммунитетом от принудительных мер пользуется не только государство как таковое, но также два музея, осуществляющие хранение картин в рамках выполнения публично-правовых функций в области культуры, на что они были уполномочены Министерством культуры РФ.

Суд согласился с этими доводами и признал, что при отсутствии согласия государства на рассмотрение дела иски к нему не могут быть предметом рассмотрения суда. На этом же основании суд отказался удовлетворить требования истцов осуществить меры принудительного характера в отношении картин.

В решении французского суда о картинах было обращено внимание на то, что картины, находящиеся в музеях, относятся к федеральной собственности государства, а сами музеи осуществляют публичные функции. Поэтому, как считал суд, музеи должны пользоваться судебным иммунитетом и иммунитетом от принудительного исполнения на равных основаниях с государством — Российской Федерацией.

В силу признания иммунитета собственности французский суд не мог вынести решения о наложении предварительного ареста на картины, поскольку было установлено, что картины принадлежат иностранному государству.

Отказ в иске на основании принципа иммунитета не может рассматриваться как отказ в правосудии. Ирина Щукина, как и Иван Коновалов, если он действительно является внуком И.А. Морозова, могут обращаться не только к Президенту России (что И. Щукина и сделала в письме к Б.Н. Ельцину еще до предъявления иска в суд), но и в Министерство культуры РФ и другие органы. Они могут предъявить иск в российский суд, если считают, что их имущественные права как наследников нарушены. Именно российский суд, как нам представляется, в соответствии с принципами международного права должен быть тем органом, который может решать спор о праве собственности на собрания и С.И. Щукина, и И.А. Морозова, и других собирателей, коллекции которых были национализированы.

Что же касается вопросов признания заслуг многих выдающихся меценатов, решения проблем, связанных с хранением и показом их собраний, то в нашей стране эти вопросы находятся в ведении Министерства культуры Российской Федерации. Отметим в этой связи, что в письме министра культуры Е.Ю. Сидорова, направленном Ирине Щукиной, говорилось о возможности переговоров с нею.

Выставка картин Анри Матисса и вопросы авторского права

Адвокат истцов г-н Жуано в своем исковом заявлении попытался опереться на такой специфический институт французского авторского права, как "право следования" (*droit de suite*)¹⁵. Суть этого института состоит в следующем: если картина была куплена каким-то лицом непосредственно у художника, а затем перепродается (или иным образом используется), то художник или его наследники получают право на вознаграждение в размере определенного процента, исчисленного с суммы, превышающей покупную цену картины. В рассматриваемом нами случае такие суммы были выплачены Центром имени Ж. Помпиду наследникам художника Анри Матисса. Поскольку право следования распространяется на доходы, полученные от издания каталога выставки, наследники коллекционеров предъявили претензию о выплате им соответствующих сумм.

Представляется, что, независимо от признания истцов наследниками собственников картин, на соответствующие суммы могут претендовать лишь наследники авторов картин, но не наследники собственников.

Значение дела И. Щукиной и некоторые выводы правового характера

Итак, решение было вынесено в пользу отечественных музеев, российского государства. В решении французского суда были подтверждены незыблемость, приоритет музейных коллекций, что важно не только для российских и французских музеев, но и для музеев других стран. С помощью квалифицированных французских юристов – адвокатов Д. Гийо и М. Делион-Блох, при активном содействии наших музеев, Министерства культуры и Отдела культурных связей МИД и Министерства юстиции РФ удалось защитить наше культурное достояние. Конечно, предъявление иска во французском суде у меня как юриста и непосредственного участника дела на стороне ответчиков вызывает отрицательную реакцию.

Вместе с тем нельзя не признать общего положительного значения обращения Ирины Щукиной к Президенту РФ Б.Н. Ельцину. И. Щукина обратила внимание мировой общественности на подвиг (не побоюсь этого слова), подвиг в сфере культуры лучших представителей российского купечества – меценатов С.И. Щукина и И.А. Морозова. Состоявшаяся уже после вынесения решения французского суда выставка в Эссене (ФРГ), организованная с помощью фирмы "Рургаз",

под названием "Морозов и Щукин – русские собиратели: от Моне до Пикассо", которая была проведена затем в Москве и Санкт-Петербурге, раскрыла значение наших великих отечественных меценатов.

Какие выводы юридического характера можно сделать на основе вынесенного французским судом решения? Дело И. Щукиной показало, что не следует спешить сдавать в архив такой классический принцип международного права, как принцип судебного иммунитета. Современная практика применения этого принципа требует глубокого осмысления. Необходимо также ускорить подготовку российского закона об иммунитете. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года включали пункт о его принятии, однако в период существования СССР вопрос даже не рассматривался.

Напрашивается вывод практического характера. В современных условиях, особенно после распада Союза ССР, когда возникло много новых правовых проблем, связанных и с правопреемством, и с пробелами и неясностью в ряде случаев договорно-правового регулирования, как никогда раньше требуются согласованность, координация действий наших органов при защите за рубежом имущественных интересов и нашего государства, и наших организаций и граждан, тщательная правовая подготовка любого дела. Необходимо соблюдение правил судопроизводства, принятых в той или иной стране. И не нужно бояться идти в суд, когда это требуется для защиты наших прав и интересов.

* *
*

Когда заседание суда в Париже окончилось, я позвонил в Москву заместителю министра культуры Т.Х. Никитиной. И первый вопрос, который мне задала Татьяна Хашимовна, был о том, какое значение будет иметь решение суда для проведения наших выставок в других странах. Еще с большей настойчивостью меня "допрашивала" по этому поводу Анна Сергеевна Колупаева, главный эксперт Министерства культуры, которая непосредственно занималась в этом министерстве вопросами, связанными с иском И. Щукиной: можно ли вывозить картины в Германию для проведения выставки в Эссене? Не будет ли наложен на них арест? Как обеспечить безопасность наших культурных ценностей, вывозимых временно в другие страны для проведения там выставок?

Известно, что еще до решения суда в Париже внук С.И. Щукина заявил, что аналогичный иск будет предъявлен и в Германии, где предполагалось проведение выставки картин из собраний С.И. Щукина и И.А. Морозова. Так что реальная угроза проведению этой выстав-

ки существовала. Правда, позднее адвокат Жуано от имени своих доверителей сделал заявление о том, что в период проведения выставки в Эссене и до возвращения картин в Москву никакого иска предъявляться не будет.

Конечно, гарантии неприкосновенности временно вывозимых культурных ценностей могут быть в наибольшей степени обеспечены путем включения соответствующих условий в договоры о проведении выставок за рубежом. Никто не может гарантировать, что в той или иной стране впредь не будут предъявляться иски от имени бывших собственников или их наследников. Однако международная практика такова, что в решениях судов одних европейских стран часто содержатся ссылки на решения судов других стран именно в области международного частного права. Поэтому решение французского суда по иску И. Щукиной может в определенной степени рассматриваться в качестве прецедента не только во Франции, но и в других странах.

¹ См. Костеневич А., Семенова Н. Матисс в России. — М., 1993; Демская А., Семенова Н. У Щукина на Знаменке... — М., 1993.

² **Собрание узаконений**. 1918. — Отд. 1. — № 81. — Ст. 851.

³ **Там же**. — № 99. — Ст. 1011.

⁴ Бурыйский П.А. Москва купеческая. — М., 1990. — С. 142.

⁵ В переданном Д. Гийо и г-жой М. Блох комплекте содержалось большое число подготовленных заранее нашей стороной документов, переведенных на французский язык, как юридического, так и искусствоведческого, исторического характера, касающихся собрания С.И. Щукина. Подбор этих документов был осуществлен в Москве, в частности с помощью сотрудников Архива ГМИИ имени А.С. Пушкина А.А. Демской и М.Б. Аксененко.

⁶ См. *Journal du droit international (Clunet)*. — P., 1954.

⁷ Prinz Dabitscha — Kotromaniez c. Lepke и др. См. *Philonenko M. L'expropriation des biens des particuliers par les Soviets devant la Justice allemande*//*Journal du droit international (Clunet)*. — 1929. — Vol. 56. — P. 13—24.

⁸ *Princess Olga Paley v. Weisz* (1929)//1 King's Bench Division 718 (1929). *The all England Law Reports*. 513 (Court of Appeal).

⁹ *Stroganoff-Scherbatoff v. Weldon*//420 *Federal Supplement* 18 (*Southern District Court of New York* 1976).

¹⁰ О практике судов Запада по вопросу о признании экстерриториального характера национализации см. *Перетерский И.С.* Борьба СССР за равноправие двух систем собственности в международных отношениях//СССР и проблемы международного права. — М., 1947. — С. 113—151; *Корецкий В.М.* Избранные труды. — Киев, 1989. — Кн. 2. — С. 4—127.

¹¹ См. *Корецкий В.М.* Избранные труды. — Киев, 1989. — Кн. 1. — С. 224—235.

¹² Об иммунитете государства и его собственности см. в отечественной литературе: *Богуславский М.М.* Иммуниет государства. — М., 1962; *Иванов С.И.* Современные тенденции в законодательстве некоторых буржуазных государств по вопросу об иммунитете государства//Сов. ежегодник международного права

(далее – СЕМП).1981. – М., 1982. – С. 235–245; Барятянец Н.Р., Богуславский М.М. Колесник Д.Н. Современное международное право: иммунитет государства// СЕМП. 1988. – М., 1989. – С. 165–182; Хлестова И.О. Проблема юрисдикционного иммунитета иностранного государства в работе Комиссии международного права//Там же. – С. 183–194; Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. – М., 1993.

¹³ В нашей литературе см. об этом: Швыдак Н.Г. Юрисдикционные иммунитеты иностранного государства в судебной практике Франции и Швейцарии// Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. Труды.№ 49. – М., 1991. – С. 109–122.

¹⁴ См. решение по делу Société Levant Express//Revue criminal. – 1970. – Р. 98.

¹⁵ О праве следования см. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции (пер. с франц. яз.)//Под ред. И. Савельевой. – М., 1989. – С. 157 и сл.